

СОБЫТИЙНЫЙ КОНТЕКСТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА, ОПРАВДАВАВШЕГО «МИРОТВОРЧЕСКИЙ» ОБРАЗ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НАТО ПО РАСЧЛЕНЕНИЮ ЮГОСЛАВИИ

А.А.Бреусенко-Кузнецов

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Национального технического университета Украины
“Киевский политехнический институт”*

Статтю присвячено застосуванню теоретичних положень про екзистенціальну природу міфу до геополітичної проблематики. У ній подано подієвий рівень імпліцитного штучного міфу, що підвів США і НАТО до злочинних військових дій по відношенню до суверенної Югославії у 1999 році.

Ключові слова: штучний міф, ритуал, контекст.

Главная проблема, в русле которой движется логика статьи, состоит в *реконструкции имплицитного искусственного мифа*, не изложенного систематически в определенном письменном источнике, но угадывающегося в действиях США и НАТО в период, охватывающий агрессию 1999 года против Югославии вместе с её подготовкой и последствиями.

Метод амплификации К.Г.Юнга (введение событий, симптомов, продуктов воображения в широкий мифологический контекст [22-24]) стал основным методическим средством предварительной стадии нашего исследования, на которой мы обнаружили саму аналогию между событиями в Югославии 1999 г. и библейским текстом, посвящённым ситуации исхода народа Израилева из рабства египетского (Пятикнижие Моисея, книга «Исход») [1]. Данная очевидная содержательная связь становится для нас основанием, чтобы утверждать: эти события имеют мифологическое измерение. Однако интуитивное понимание мифологичности югославских событий ещё не открывает перед нами их конкретной сути. Несмотря на многочисленные совпадения между ветхозаветной и современной историями (которые будут подробно рассмотрены ниже), нельзя утверждать об их тождестве. Простая ссылка на *поднявшийся архетип*, равно обусловивший как библейский текст, так и действия современников, будет малоинформативной. Несомненно коренное отличие между этими двумя мифологическими сообщениями: *отличие*, лежащее на линии «естественный миф – миф искусственный» [3; 4].

Понятно, что агрессия против Югославии – продукт деятельности в значительной степени осознанной, коллективный субъект которой (весьма многоликий, включающий руководство США, НАТО, ОБСЕ, широкую западную

общественность) в юридическом смысле должен быть признан вполне вменяемым. Ясно и то, что сюжет «Казней Египетских» не мог быть неизвестным руководителям «Казней Югославских». Предваряя сорокалетний поход Моисея с народом Израилевым по пустыне, эпизод со строптивым фараоном становится предысторией едва ли не самого яркого из ветхозаветных событий; агрессию же совершили лица, скорее всего, христианского и иудейского воспитания. Их решение следовать мифологической логике известного ветхозаветного сообщения могло быть свёрнутым, имплицитным, но не могло совершенно отсутствовать.

В целях познавательной реконструкции искусственного мифа мы прибегли к его структурному сопоставлению с библейским текстом и здесь встретились с трудностью: в наших руках как бы отсутствует сама «материя» мифа. Мы не имеем конкретного исходного текста, который бы охватил этот миф как исходное повествование – и подозреваем, что (в связи с неизбежными опущениями) такого готового текста-сценария, распространяющегося на все нужные для анализа события, и быть не может; стало быть, «реставрация» текста мифа будет вместе с тем в каком-то смысле и его «первоконструкцией». Материалом для реконструкции целостного текста мифа могли бы послужить подвергаемые контент-анализу конкретные сообщения СМИ, обеспечивающих идеологическую поддержку агрессии – но такой путь был бы долгим и неблагодарным.

Поскольку агрессия отнюдь не свелась к вербальному компоненту, но выразилась, к несчастью, прежде всего в компоненте, так сказать, моторном, мы не будем замыкаться в области языковых сообщений натовских чиновников в пронатовских СМИ, охватить которую полностью, к тому же, было бы затрудни-

тельно. Подобно тому как в реконструкции мифов архаических традиционно анализировались ритуальные действия, мы будем рассматривать действия США и НАТО в их ритуальном значении. Итак, *задачами* данной статьи будут: а) *описание событийного контекста военной агрессии НАТО против Югославии*; б) *выделение ритуального смысла самих актов военной агрессии*.

Возможно, такое выражение как «ритуальные бомбардировки» и звучит несколько дико, однако если сопоставить это явление с ритуалом не культурным, но клиническим (невротическим), то можно констатировать явную аналогию. Натовское бомбометание в центре Европы в некотором смысле принадлежит к «навязчивым ритуалам» – особым цепочкам действий при неврозах навязчивых состояний, возникновение которых, с психоаналитической точки зрения, обусловлено «повторением, в более или менее замаскированном виде, прежнего конфликта» [8, 235], оставшегося непонятым. Действительно, ригидность данных действий, которую можно проследить на предшествующих конфликтах, в которые вмешивались США и НАТО (разумеется, не невротических, а политических), говорит о том, что коллективный их субъект не в состоянии осознать глубинных причин именно такого собственного политического поведения – несомненно деструктивного в гуманитарном, общечеловеческом смысле. США (и НАТО как их инструмент) навязчиво вмешиваются в каждый актуальный конфликт, где выполняются следующие условия:

а) есть более сильная сторона, которая, сравнительно с более слабой, исходно рассматривается как далее отстоящая от идеалов демократии;

б) эта сторона, применительно к ограниченному региону способна выступать в качестве центра политического влияния – т.е. выполнять на региональном уровне ту же функцию, которую США выполняют на мировом;

в) эта сторона экономически, политически, идеологически, культурно развивается в направлении, чуждом США, утверждает некую собственную модель развития;

г) у этой стороны есть успешный (харизматический) лидер, который в своей политике не ориентируется на ценностную шкалу, принятую в западных демократиях;

д) данная сторона не в состоянии нанести заметный урон безопасности США [4].

Последнее условие, исключаящее, например, Россию и Китай из списка наиболее вероятных объектов открытой агрессии, является чисто внешне ограничительным, и не относится к самой сути конфликтной ситуации, провоцирующей США и НАТО на вмешатель-

ство. Предыдущие же условия содержательны. Они указывают на утверждаемое (распространяемое, либо сопротивляющееся сужению) существование некоего *узора*, тяготеющего к внутренней стабильности и не интегрирующегося в тот мета-узор, в центре которого расположен американский образ жизни. Наличие таких узоров – залог многополярности мира, а возможность такой многополярности, как будто, и должна быть аспектом демократии, осуществляющейся в мировом масштабе. Почему-то такая демократия не устраивает главный из современных «очагов демократии» – США.

Искусственный миф, могущий быть полезным в достижении целей повседневности, крайне слаб в области метафизической. Он не может адекватно помочь человеку в решении таких экзистенциальных проблем, как выбор смысла жизни (он может только выполнить функцию актуализации психических защит: «заболтать» серьёзную тему, отвлечь на мелочи текущей жизнедеятельности и успокоить). Американский миф ведёт человека к личностному регрессу, но предлагает взамен некие частные блага (ощутимые, в отличие от тонких материй духовного присутствия). Американцам жаль терять ригидный узор (мета-узор), на котором построено всё их государство и общество, всё их беспроblemное спокойствие. Оказаться на периферии чужого узора для американского самомнения равносильно потере себя в разверзшейся бездне. Именно поэтому экспансия американского образа жизни суть удар упреждающий.

Ритуал *соблазнения* западным образом жизни (у белого человека есть много стеклянных бус и огненной воды) исполняется по отношению к духовно слабым социальным общностям, легко отходящим от узоров своих традиционных форм жизнедеятельности. Соблазнение многоуровнево: соблазняющими предметами на низшем уровне могут стать продукты потребления (многообразие форм колбасы), на высшем – благоприятные условия профессионального роста. В том же случае, когда соблазнение встречает препятствия, вероятно применение более жёстких ритуалов, вплоть до военного вмешательства, которые призваны расчистить плацдарм для эффективного соблазнения – ибо нераспространение чего-либо (отсутствие спроса) создаёт у представителей ориентированной на рыночные законы экстравертированной культуры опасный повод усомниться в его значительности.

Для ослабления власти чужих мета-узоров американским миром используется политическая, экономическая и военная мощь; в области идеологии периода агрессии

1999 г. ведущим образом, обозначавшим фокус желательного применения этих видов мощи был стереотипный образ «страны-изгоя». К последующим нововведениям относится определение «ось зла» (временно заместившее официальную «империю зла» холодной войны – Россию). «Ось зла» строится Америкой из государств, именуемых не иначе как «страны-изгои», под коим термином неявно понимаются изгои человечества, ибо кто не любит американскую демократию, которая по определению высшее завоевание человечества, тот – явный враг человеческого рода. Для подтверждения этого тезиса изыскиваются (но могут и изобретаться, т.к. уж больно важны) реальные случаи «преступлений режима» такой-то личности «против человечества».

Терроризм как таковой американской идеологии не противостоит и не противоречит, она жёстко реагирует лишь на «антидемократический» терроризм; т.е. на терроризм, направленный против элементов узора американского искусственного мифа. Терроризм албанский (явление, разумеется, столь же античеловеческие, как и любой терроризм) встречается на западе приём вполне благодушный, сопровождающийся политической, да и военной поддержкой.

Политическое поведение США и НАТО в Югославии нами не только обозначено как *ритуал*, но и конкретизировано в каузальном плане – как *ритуал, вызванный опасениями за жизне- и конкурентоспособность американского мета-узора (модели гармоничного устройства мира), обособленного системой искусственных мифов*.

Хотя мы намерены рассматривать мифологический аспект геополитического поведения США и НАТО, выразившегося в агрессии 1999 г., мы не можем игнорировать и те отношения, в которые входили США, НАТО и Югославия в десятилетний предшествующий период. Суть этих отношений складывалась из инспирации и поддержки международными институтами расчленения Югославской федерации (отделения Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии), завершительным аккордом которого и стала агрессия НАТО уже во внутреннее пространство Сербии. Капитальным историческим трудом, дающим наиболее полную картину югославской трагедии, несомненно, является «История югославского кризиса (1990-2000)» Е.Ю.Гуськовой. Нами же, с опорой на эту монографию, будет дан лишь краткий экскурс в ближайшую историю, предшествующую натовской агрессии по поводу Автономного края Косово.

В том, что последовательное отторжение от Югославии всё новых земель осуществлялось по единому стратегическому плану, как цепная реакция, в которой выход одной республики влечёт выход следующей, для нас является бесспорным. На протяжении целого десятилетия балканская политика США, НАТО и ряда других зависимых от них организаций состояла в настойчивой поддержке сепаратизма. Внутрюгославскими партнёрами США и их западных союзников в этом сотрудничестве становились режимы всё более одиозные. На смену словенским демократам, не успевшим себя запятнать значительными преступлениями против человечности, пришли фашиствующие демократы хорватские (запустившие практику этнических чисток в целях создания государства без национальных проблем), боснийские исламские фундаменталисты и, наконец, албанские террористические формирования УЧК.

На наш взгляд, суть этих отношений не исчерпывается возрастающей *неразборчивостью западных политиков в выборе партнёров* по достижению геополитических целей. Нельзя сбрасывать со счётов и *разлагающее влияние политики запада на своих партнёров*, происходящее как *разращение вседозволенностью*. Будучи уверены в своей необходимости для всемогущих западных партнёров и в неизменности их расположения, в даровании индульгенции за всё, сепаратистские силы в условиях военного противостояния шли на военные преступления с большей лёгкостью, заходили дальше. Декларируя свою позицию как борьбу за *независимость* административных территорий Югославии, союзники запада были в то же время более чем *зависимыми* от той силы, к которой апеллировали; более того, они были её *инструментом*. Осознание себя лишь инструментом в чужих руках предполагает делегирование ответственности внешней инстанции; так совесть этих державотворцев была передана демократическому западу.

Лидер ориентированного на Европу сепаратистского режима Словении М.Кучан ещё в 1991 г. своими пропагандистскими выступлениями (по поводу неудачной попытки югославской армии поддержать целостность границы СФРЮ) положил начало радостно подхваченной западом концепции сербской стороны как «агрессора в югославском конфликте», виновного в развязывании боевых действий [7, 115]. Избирательное восприятие западными институтами информации от сторон, непосредственно вовлечённых в югославский конфликт на различных его стадиях говорит о прямом умысле поддерживать вполне определённый вариант развития ситуации. Под-

держака возродившего фашистские (усташские) традиции «демократического» режима Ф.Туджмана в Хорватии (против Республики Сербской Краины) и мусульманско-фундаменталистского режима А.Изетбеговича в Боснии и Герцеговине (против Республики Сербской, возглавляемой Р.Караджичем) спровоцировала эскалацию антисербского геноцида. Война на территории Боснии и Герцеговины была прямо спровоцирована «миротворцами». Последние не просто приняли сторону мусульманского большинства, но избрали для сотрудничества экстремистское правительство А.Изетбеговича – и отказали в поддержке возглавленному Ф.Абдичем мусульманскому правительству Западной Боснии (лояльному к сербам и стремящемуся к мирному урегулированию территориальных споров между боснийскими народами).

На протяжении боснийской войны совместные действия СБСЕ, СООНО и НАТО фактически оказывали прямую военную поддержку антисербским силам (наложение эмбарго на Сербию и меры по предотвращению вооружения сербских войск при поощрении поставок оружия мусульманам; обучение мусульман военному делу американскими и немецкими инструкторами; натовские бомбардировки сербских позиций в случае их военного успеха). Перманентно происходящие переговоры по Боснии (Конференции в Лондоне, Женеве, Афинах, Дейтоне) главной своей сутью имели давление на сербскую сторону; западные «миротворцы» реально ничего не сделали для прекращения военных действий, пока военная удача и территориальный перевес были на стороне армии генерала Р.Младича и Республики Сербской. Столкновения боснийских мусульман и хорватов (отстаивающих республику Герцег-Босна) между собой расценивались западом негативно, т.к. целью «миротворцев» было сплочение их в антисербскую коалицию – что в конце концов под внешним давлением и произошло.

Ужесточение американской политики по отношению к сербским национальным образованиям совпадает с приходом к власти в США администрации Б.Клинтона, хотя военно-технически готовилось и ранее. По мере роста готовности США стали нуждаться в срыве переговорного процесса, который позволил бы ввязаться в конфликт вооружённым силам НАТО. В непосредственном решении этой задачи (срыва переговоров) участвовала прежде всего мусульманская сторона, отказываясь от соглашений, нарушая принятые, устраивая провокации. Е.Ю.Гуськова пишет: «Сегодня уже ясно, что процесс активизации НАТО развивался самостоятельно и никак не был связан с усилиями по переговорам. Бо-

лее того, в определённом смысле переговоры контролировались и управлялись теми, кто должен был утвердить новую роль НАТО в Европе. Уже тогда противник был намечен, а самолёты рвались в бой. Натовцы не скрывали, что готовы нанести удары по сербским позициям. Поэтому всегда создавалась ситуация, чтобы переговоры зашли в тупик. Ждали лишь повода, чтобы обвинить в этом сербов» [7, 377]. Ещё Женевский переговорный процесс в августе 1993 г. был недалёк от благополучного завершения – грозящего для США установлением мира в Боснии и необходимостью снятия санкций с Сербии и Черногории, но «19 августа официальный представитель Пентагона заявил, что командование НАТО и силы ООН завершили все приготовления и могут в кратчайшие сроки нанести удары с воздуха по войскам боснийских сербов, если в этом будет необходимость» [7, 377]; лидер мусульман А.Изетбегович, чувствуя западную поддержку, не желал делить Боснию и Герцеговину, предпочитая добиться победы над сербами и хорватами. В усилиях спровоцировать натовские удары мусульмане отваживались на многое (вплоть до массового убийства собственных граждан с целью обвинения сербской стороны, как это случилось на сараевском рынке Маркале в феврале 1994 г.).

В тактике боёв мусульманских войск активно использовался международно устанавливаемый статус «зоны безопасности», в которой запрещалось действие сербских тяжёлых вооружений и почему-то не запрещалась концентрация мусульманских. «Зона безопасности» позволяла одной из сторон в конфликте (боснийским мусульманам) накапливать силы и осуществлять нападения на позиции другой стороны (сербской); когда же следовал ответный удар, то на сербскую сторону обрушивалось натовское военно-воздушное наказание за нарушение этой пресловутой «зоны безопасности». По словам цитированного Е.Ю.Гусевой генерала Р.Младича, нарушение мусульманами перемирия, относящееся к 1994 г., видимо, проистекало из простого расчёта: «...захваченную в ходе этого наступления территорию превратить в «зону безопасности», а оставшуюся территорию – т.е. Республику Сербскую – в зону, в которой могут действовать силы НАТО» [7, 310]. В марте 1995 г. состоялась беспрецедентно жестокая операция НАТО по уничтожению с воздуха сербских военных объектов.

Полному развязыванию рук натовской военщине в деле вмешательства в югославские процессы в наибольшей степени послужили дейтонские соглашения (ноябрь 1995 г.), принятые под большим психологическим прессингом на многосуточных переговорных

марафонах. «Развёртывание сил НАТО после Дейтона стало для этой организации прекрасной пробой сил, проверкой мощи, возможностей и способностей, отработкой не на учениях чисто военных приёмов дислокации в трудных «неевропейских» условиях» [7, 481]. В условиях антисербской политики эскалации конфликта, проводимой «миротворцами» в Боснии и Герцеговине туджмановская Хорватия также не упустила случая решить свои территориальные проблемы и совершила агрессию на территории Республики Сербской Краины (операции «Блеск» в мае 1995 г. «Буря» – в августе); следствием стало прекращение существования РСК и массовый исход сербского населения; несмотря на даже бессмысленные зверства хорватской армии (бомбардировки колонн беженцев), Резолюция ООН по осуждению Хорватии принята не была.

Вскоре после «разрешения» в приемлемом для себя русле сербского вопроса в Хорватии и Боснии и Герцеговине США и НАТО переносят фокус своего внимания на территорию Сербии, которая, впрочем, и до этого подвергалась воздействию – в форме экономического ослабления (Югославия провела 1584 дня под международными санкциями). Если в признанных в административных границах Хорватии и БиГ западные миротворцы исходили из примата целостности границ над национальным волеизъявлением, то в Сербии для них именно албанский вопрос оказывается приоритетным.

Игнорирование западными «миротворцами» истории в ходе их попыток «разрешения» кризиса в Косово продолжает уже давно сложившуюся традицию самого «миротворческого» процесса. Между тем, Косово по своему значению для сербской нации – «Сербская Киевская Русь» (А.Я.Маначинский)¹. «Особый статус территориальной политической единицы Косово и Метохия получили только после образования ФНРЮ. Каждое послевоенное десятилетие повышало статус Косова и приносило существенное расширение автономии от автономной области в составе Сербии в 1945 г. до автономного края с широчайшими полномочиями, практически самостоятельного субъекта федерации, в 1974 г.» [7, 648]. На смену И.Броз Тито с его проалбанской политикой пришли иные руководители, деятельность которых вызвала сопротивление и неповиновение албанского населения. Поправки, внесённые в Конституцию Сербии в 1989 г. и новая Конституция 1990 г. изменили статус

Косова в обратном направлении – и вызвали массовые демонстрации албанцев, а затем (в обстановке развала СФРЮ) акции террора против сербского населения края.

В связи с тем, что на протяжении последних 20 лет косовские албанцы не участвовали в переписи населения, данные об их численности разнятся, но несомненным является подавляющее численное превосходство над сербами к 90-м гг. (ставшее следствием специальной национальной политики Тито, различных моделей рождаемости, растущей национальной нетерпимости албанцев). Общество в автономном крае раскололось по национальному признаку, причём развал Югославии, введение ООН в мае 1992 г. санкций против Сербии и Черногории не позволяло решать проблему Косова; удержание ситуации под контролем было возможно только полицейской силой. Вдохновляемые антисербской позицией западных стран в хорватском и боснийском конфликтах идеологи воссоединения с Албанией между тем наводили связи с международными институтами; для привлечения их внимания к проблемам Косова многое сделал лидер Демократического союза Косова И.Ругова. «Он просил разместить в крае военные силы ООН и НАТО, а позже стремился убедить Запад в необходимости «гражданского протектората» над Косовом ... Во время его поездки в США в 1993 г. он получил заверения Вашингтона, что снятие санкций с Югославии будет обусловлено решением проблем края. В Косово зачастили иностранные гости» [31, 660]. Весной 1996 г. в связи с обострением напряженности в крае (беспорядки, убийства сербов, массовые аресты албанцев) «Комиссия по правам человека Экономического и социального Совета ООН подготовила проект резолюции «Положение в области прав человека в Косове», в котором отмечалось, что к албанцам в Югославии применяются пытки, апартеид, убийства, этническая чистка и геноцид» [7, 660]. К 1998 г. радикализация албанских сепаратистских сил привела к созданию Освободительной армии Косова (ОАК, УЧК) – формирования экстремистского, действующего террористическими методами. Албанские формирования поддерживались из-за границы, прежде всего самой Албанией. В ответ на террор ОАК были приняты жёсткие полицейские меры, в результате коих «к октябрю 1998 г. Косово было почти свободно от вооружённых формирований, которые были оттеснены к албанской границе» [7, 662].

Ещё в 1997 г. к решению «проблемы Косова» подключились ООН, ОБСЕ, НАТО; последний «в августе 1997 г. предупредил югославского президента о возможности воору-

¹ Косово и Метохия – исторические области Сербии, которые с XII в. входили в средневековое Сербское государство, и никогда не находились в составе какого-либо албанского государства.

женного вмешательства в конфликт с целью предотвращения дальнейшего кровопролития. Как наиболее вероятный сценарий силовой акции в Косове рассматривались удары с воздуха по сербским позициям по примеру Боснии и Герцеговины. Проводя акцию «принуждения к миру» в Боснии и Герцеговине, НАТО не встретила возражений ни от одной страны мира, и это дало ей уверенность в том, что изменение концепции её роли в мире проходит успешно» [31, с.665]. Амбиции США требовали достижения для НАТО нового статуса, при котором он не будет зависеть и от Совета Безопасности ООН, под прикрытием которого ему пришлось действовать в Боснии. Конечной целью готовящихся операций НАТО со всей очевидностью стала поддержка отделения Косова от Сербии. С юридической же точки зрения, «чтобы отделить Косово от Югославии, необходимо повысить ему статус до республики, и тогда через референдум о независимости признать факт отделения свершившимся» [7, 674].

В феврале 1999 г. в замке Рамбуйе под Парижем по инициативе Мирового сообщества начались переговоры между югославской и албанской делегациями (в состав последней вошли и террористы ОАК, один из коих – Х.Тачи её возглавил). Характер переговоров повторил сложившийся их стереотип; их сутью вновь стало давление на сербскую делегацию, утаивание от неё ключевых моментов готовящегося документа (ставящих под вопрос территориальную целостность Сербии и Югославии). В представленном в день окончания переговоров документе 69 % текста оказались ранее не виденными сербской делегацией; текст содержал приложения об автоматическом вводе войск НАТО после подписания договора (которые отказалась подписать Россия). Югославская делегация была готова продолжать диалог, но представители США, по-видимому, сочтя демократическую формальность выполненной, «отвергли возможность продолжения переговоров, уточнив, что предложенный текст должен быть подписан в первый день начала второго раунда. Фактически Югославия получила ультиматум: если подпишет договор, на территорию края войдут войска НАТО, а если не подпишет – будет нести ответственность за провал переговоров, что предполагает «наказание» бомбовыми ударами» [7, 671]. На втором раунде переговоров делегации сербов и албанцев даже не встретились, так как международные переговорщики воспротивились продолжению диалога, предложив ультиматум. Как заметили по этому поводу и Е.Ю.Гуськова, и О.Я.Маначинский: «Фактически сорвав продолжение ... переговоров, США и НАТО нача-

ли готовиться к наказанию «виновника срыва переговоров» [7, 672].

Бомбардировки Сербии и Черногории натовскими ВВС, начавшись с 24 марта 1999 г. длились 78 дней. В агрессии приняло участие 19 стран; ряд международных организаций в помощь агрессору усилил антиюгославские санкции; НАТО объявила запрет на полёты самолётов, не участвующих в агрессии, в воздушном пространстве Югославии и примыкающих стран. *Вандализм* натовской военной машины проявился по отношению к *человеческой жизни*, а также к *природе*, к *культуре* (ибо и природа и культура были также «чужими» – сербскими). «В агрессии против СР Югославии НАТО использовала запрещенные военные средства и виды оружия, такие, как кассетные бомбы и необогащенный уран. Речь идет об особенно вредных и опасных для жизни и здоровья людей видах оружия, последствия которых гораздо хуже, бесчеловечнее и опаснее, чем у классических видов оружия ... Уничтожены целые жилые кварталы, в том числе школы, больницы. Под прицелом НАТО оказались хозяйственные и производственные объекты. транспортная инфраструктура ... Бомбовые удары кроме военных объектов были нацелены на памятники культуры, средневековые монастыри и святыни, национальные парки и заповедники, которые находились под защитой ЮНЕСКО...» [7, 677].

Поразительное единодушие пребывающих в вассальной зависимости от США государств, наглухо закрывавших пути для доставки в Югославию даже гуманитарных грузов, обращение тех и других в некритичную к своим действиям толпу – всё это свидетельствует об актуализации до-личностного, мифологического уровня сознания, не чувствительного к логике элементарных правовых и моральных доводов. Зверь, до сих пор сравнительно успешно таившийся в скованных рамках демократических приличий действиях недалёких, но цивилизованных «благотелей угнетённых народов», явил миру свой омерзительный лик.

Согласно психологическому механизму *проекции* (перенесения собственных влечений, свойств, состояний на других людей) – главному из механизмов *психической защиты*, участвующих в построении «образа врага» – чертами этого зверя до сих пор наделялись руководители сербских государственных образований в порядке взаимодействия с ними западных миротворцев: Р.Караджич, С.Милошевич. В борьбе с ними Запад в качестве мелких шахматных фигур использовал зависимых от него лидеров словенских, хорватских, боснийских, албанских сепаратистов.

В отличие от самодостаточных сербов эти сепаратисты настолько хотели признания своей независимости, что были готовы навеки остаться послушными орудиями дарующего независимость Запада. Поощрение этих «шахматных фигур» к решительным действиям позволяло с их помощью выполнять всё то, что самим «шахматистам» мешал делать избыток цивилизованности. «Шахматисту» льстит ориентация духовно несамостоятельных «фигур» на него, и он невольно всё более сам с ними отождествляется; в сложные моменты игры, досадуя на их бестолковость и слабость, он уже сам готов прыгнуть на «шахматную доску» и сметать с неё всё и вся.

В весенней агрессии 1999 г. США и НАТО наконец-то вышли на простор самостоятельных действий, не ограниченных никакими международными правилами. И не случайно именно на этом этапе в действиях альянса начинается с большой точностью воспроизводиться *мифологическая логика, находящаяся в отношении структурной аналогии с библейским мифом о «Казнях Египетских»*. Вместе с тем, всё предшествующее актуализации мифа десятилетие было периодом подготовки к этой актуализации. Ещё не потеряв человеческого облика, лидеры США и НАТО поступательно и неотвратно двигались в определённом направлении. С чем это связано? Повидимому, с тем, что на отношение США и НАТО к Югославии влиял весь тот общий *мифологический контекст*, в который миф о «Казнях Египетских» вписывается как системный элемент.

Отличие ритуалов искусственного мифа от ритуалов мифа естественного, представшее на разбираемом примере, оказывается фундаментальным. Это отличие состоит в том, верит ли субъект ритуала в его реальную силу – и в логических отсюда следствиях.

В ритуалах естественного мифа большую роль играет магическое отождествление (в примере, приведённом М.Элиаде, рис даёт неплохой урожай, поскольку при его посадке воспроизводится миф о *первом*, самом лучшем урожае риса, в котором объята и заключена вся последующая его урожайность [19]). Человек, исполняющий ритуалы мифа искусственного, очень хочет надеяться на магическую силу обряда, но поверить в неё не может (он в глубине души понимает, что без специальных подтасовок та сила, к которой он обращается, его неминуемо разочарует). Искусственный миф возлагает на свой ритуал функцию намеренной компенсации несовершенства мифа; тем самым он косвенно признаёт собственную нищету. В этом ритуале человеку приходится «играть» и за себя (верящего в могущество Высшей силы), и за са-

му Божественную силу, и за зрителей, которые могут в эту силу не поверить. Ритуал искусственного мифа, таким образом, – это и больше, и меньше, чем ритуал. Ритуал, который тщится показаться не просто последовательностью действий, восходящей к некоей первореальности, которую он воспроизводит, а самой этой первореальностью – а всё оттого, что на самом деле такой первореальности не было и не может быть.

В изучаемом нами материале искусственного мифа нами выделено три эмпирические разновидности ритуалов.

Ритуал переговоров (демократический ритуал, служащий в условиях искусственного мифа для «развязывания рук»). Когда переговоры ритуальные, то в них важна не победа, а участие; победа в ритуальных переговорах иногда может стать поражением переговорного ритуала. Конфликтологический «миф» о том, что «Выиграть может каждый» – Х.Корнелиус, Ш.Фэйр – не учитывает «демонического» момента абсолютной деструктивности (когда цель одной из сторон – не выиграть в какой-то интересующей её частности, а любой ценой заставить противоположную сторону проиграть). Парадоксальным образом, в современной практике переговоров, где участвуют некий *демократ* и некий *не-демократ*, часто оказывается, что первый, имея дело с не-демократом, считает возможным прибегать к *тоталитарным методам* (санкции, угрозы и т.д.), а второй, будучи вовлечённым в демократический ритуал, обязывается действовать только *демократически*.

Ритуал санкций и бомбометания (принадлежит демократии воинствующей, можно сказать, демократической диктатуре, опирающейся прежде всего на силу). В ритуальном бомбометании искусственного мифа конкретика процесса не важна – а если искусственный миф ещё и демократический, то однозначно вредна. Важна абстрактная «эффективность»; смерти подобно для «демократа» американского толка прекратить бомбардировку до того, как наступило нечто, что можно считать эффектом (и что может оправдать весь предшествующий кровавый процесс, все сопутствующие «слезинки ребёнка»).

Ритуал суда (служит подтверждению задним числом правоты сомнительных действий). Данный ритуал призван подменить собой «суд истории»; он обеспечивает благоприятный «приговор истории» для того, кто этот суд организовал и снабдил уставом.

Ритуалам искусственного мифа противостоят *поступки*. «Поступок / ритуал» – важная оппозиция, акцентированная В.А.Роменцом применительно ещё к древнекитайской культуре. Поступок – это механизм самодеструкции.

терминации человека, тогда как ритуал – механизм детерминации внешним. Поступок вырывает человека из игры условий; если это игра искусственных, ненастоящих условий, то поступок спасает человека в экзистенциальном плане. Тремя поступками, поставившими под угрозу выполняемый США и НАТО мифологический ритуал, стали: разворот на 180 градусов над Атлантикой премьер-министра России Е.М.Примакова в ответ на начало бомбардировок; решение об изгнании албанского населения из подвергаемого бомбардировкам Косова; марш-бросок русских миротворцев к аэродрому в Слатине после завершения бомбардировок, вывода из Косова сербских войск и завершившегося раздела сфер контроля в крае между бомбившими.

Выводы.

Последовательное отторжение от Югославии всё новых земель осуществлялось по

единому стратегическому плану, как цепная реакция, в которой выход одной республики влечёт выход следующей. На протяжении целого десятилетия балканская политика США, НАТО и зависимых от них организаций состояла в настойчивой поддержке сепаратизма. Суть этих отношений искусственно-мифологична, в связи с чем активность США и НАТО обретает выраженные ритуальные очертания.

Искусственный миф предполагает возложение на свой ритуал функции намеренной компенсации несовершенства мифа. В изучаемом материале искусственного мифа, реализовавшегося в действиях НАТО в Югославии, нами выделено три эмпирические разновидности ритуалов: переговоров; санкций и бомбометания; суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета / Библия. – М.: Изд. Московской патриархии, 1983. – 1372 с.
2. Бреусенко А.А. Мотивация политического терроризма: взгляд из 1905 года / А.А.Бреусенко // Політична культура демократичного суспільства: стан і перспективи в Україні [М-ли Всеукраїнської науково-практичної конференції 26-29 лютого 1998 р.] – К.: Гнозис, 1998. – С.45-48.
3. Бреусенко-Кузнецов А.А. Мифы естественные и мифы искусственные в философско-психологическом рассмотрении / А.А. Бреусенко-Кузнецов // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»: Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2004. – № 1. – С. 81-94.
4. Бреусенко-Кузнецов А.А. «Казни Египетские». К экзистенциально-психологическим истокам современного мифотворчества: [монография]. / А.А. Бреусенко-Кузнецов – К.: КИТ., 2004. – 150 с.
5. Бреусенко-Кузнецов О.А. Міфологічні витоки конфліктології / А.А. Бреусенко-Кузнецов // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»: Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2001. – № 3. – Кн.1. – С. 51-55.
6. Вознесенська О.Л. Політична міфологія як засіб пізнання та усвідомлення соціально-політичної реальності / О.Л.Вознесенська // Освіта як чинник національної безпеки: м-ли Всеукр. науково-практ. конференції (20 грудня 2002 р.). – К.: Вид-во Академії муніципального управління, 2003. – С. 333-342.
7. Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990-2000) / Е.Ю.Гуськова. – М.: Русское право / Русский Национальный Фонд, 2001. – 720 с.
8. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Ж.Лапланш, Ж.-Б.Понталис. – М.: Высшая школа, 1996. – 263 с.
9. Леви-Строс К. Мифологики: [В 4-х тт.] / К.Леви-Строс. – Т. 1. Сырое и приготовленное. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.
10. Леви-Строс К. Мифологики: [В 4-х тт.] / К.Леви-Строс. – Т. 2. От мёда к пеплу. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 442 с.
11. Леви-Строс К. Мифологики: [В 4-х тт.] / К.Леви-Строс. – Т. 3. Происхождение застольных обычаев. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 461 с.
12. Леви-Строс К. Структурная антропология / К.Леви-Строс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
13. Левицкий С.А. Трагедия свободы / С.А.Левицкий. – М.: Канон, 1995. – 512 с.
14. Маначинський О.Я. Косово і Метохія: історичні перехрестя: [Монографія]. – К.: МАУП, 2001. – 112 с.

15. *Маноха І.П., Клименко І.В.* Онтологічна природа міфу та її проєкції в сучасному світі / І.П.Маноха, І.В.Клименко // Вісник Київського національного університету: Соціологія. Психологія. Педагогіка. – 2002. – Вип. 12-13. – С. 101-107.
16. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории / Н.А.Нарочницкая. – М.: Международные отношения, 2003. – 536 с.
17. *Одайник В.* Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г.Юнга / В.Одайник. – СПб.: Ювента, 1996. – 382 с.
18. *Роменець В.А., Маноха І.П.* Історія психології ХХ століття: [Навч. посібник] / В.А.Роменець, І.П.Маноха. – К.: Либідь, 1998. – 922 с.
19. *Элиаде М.* Аспекты мифа / М.Элиаде. – М.: Инвест-ППП, 1996. – 240 с.
20. *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / М.Элиаде. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.
21. *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М.Элиаде. – К.: София; М.: Гелиос, 2002. – 352 с.
22. *Юнг К.Г.* Архетип и символ / К.Г.Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
23. *Юнг К.Г.* Собрание сочинений. Психология бессознательного / К.Г.Юнг. – М.: Канон, 1994. – 319 с.
24. *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её теория и практика / К.Г.Юнг. – К.: СИНТО, 1995. – 236 с.

Стаття надійшла до редакції 30.03.2010 р.